

*Татьяне Поплаухиной,
Юлии Семеновой
Спасибо вам, и спите спокойно,
старые друзья*

Интро

Если бы Настя знала, чем закончатся следующие полгода, она бы развернулась, побежала к машине и никогда больше не ездил по этой улице. Огибала бы ее как — иногда — совесть. Но сейчас стояла здесь, вопреки всему, перпендикулярно себе, стояла и уговаривалась: просто зайти, зайти и увидеть, отдать, поздравить, обнять (дыхание сбилось), а дальше — дальше как получится.

За учителем шли дети лет семи-восьми: медленно, переваливаясь, как в мультиках пингвинята за мамой. Настя ждала, пока они спустятся с крыльца и пройдут — наверное, шли к детской площадке за углом коррекционной школы.

Один остановился и, медленно переступая, повернулся. Из-под толстого болоньевого капюшона на Настю смотрел один большой глаз, а второй, посаженный выше, будто глаза к плоскому лицу с приплюснутым носом придельвали второпях, — глядел в сторону. Мальчик смотрел не изучающе — безразлично, просто смотрел и всё, как вот просто дышат и не замечают. Настя вздрогнула. Умственно отсталые часто бывают красивыми. Ну иногда, иногда точно бывают. А бывают — вот. За шесть лет отвыкла от таких взглядов. После увольнения только раз сюда приезжала.

Мальчик отвернулся так же нелепо и безучастно, как поворачивался, и пошел за остальными. Настя побросала взгляд на улицу. Полупустая дорога, ломаный нотный стан электрических проводов на кривых столбах с редкими ногами-птицами. В соседнем дворе, наполовину

скрытом, на ветру металась стая шаров, зацепившихся за дерево. Воздух был студеный, бесстрастный — холод спасал от привычного запаха серы с болот, пыли и гари заводов.

Медленная разноцветная змейка класса завернула за угол, и Настя пошла к школе.

Это древнее здание еще в бытность ее работы здесь время от времени красили каким-то сразу старым, советским желтым, покрывали тяжелым слоем, который вскорости трескался, изгибался крупными пластами и опадал, будто стены болели дерматитом. Сейчас оно выглядело как тогда, может, разве что морщин и складок прибавилось.

Настя поднялась по скошенным, стремящимся к сплошной прямой, оледенелым ступеням крыльца. Ленивый до этого февральский ветер задул, растрепав волосы и выдохнув Насте в лицо острыми сюрикенами снег. В одной руке держала сумку, в другой — торт и подарок: приехала к имениннику. Обхватила толстые потертые ручки двери, потянула тяжелое дерево и вошла.

* * *

Она хорошо помнила, как открывала эту же дверь в обратную сторону шесть с небольшим лет назад. Сережа, жених, тогда еще лучший на свете мужчина (свадьба — через три месяца), пропустил ее вперед, а когда она начала спускаться со скользкого, горбоподобного крыльца — приобнял. Они обнимались где могли, как могли, разве что сдерживались при родных, да и то не всегда, плевать было на всех, потому что они были друг у друга.

— Гляди, какая королева, — хихикнув, шепнула Настя, смотря на идущую к школе ученицу. — Юбочка, башмачки... Где она эти башмаки взяла, у своей бабушки? Тоже такие хочю, — засмеялась, слегка двинула головой в Сережино плечо, посмейся, посмейся со мной.

Он улыбнулся.

Она видела, что Сережа **почти** привык к этим шуткам, профессиональный, защитный цинизм, он всё понимал.

— Ну, что скажешь?

— У вас всё очень... интересно, — улыбнулся на пол-амплитуды.

— А девочки тебе как?

Настя вроде бы всё знала о его жизни: он ее познакомил с родственниками, парой коллег, даже двоюродная сестра из каких-то полузабытых дремучих болот между делом заезжала. Сережа представил свою невесту застенчиво, но гордо улыбаясь, держа за руку — некрепко, смущенно, но непрерывно. Насте было важно познакомить его со своей жизнью. А так как жизнь ее свернулась в тонкий облезлый моток работы, материнства на скорую руку и вечерних походов в магазинчик через квартал, выбора было немного. Вот, скажем, девочки с работы. Тебе как?

— Наташа такая... боевая, да. А Оля...

— Ну, она еще переживает. Сейчас всегда такая молчаливая, — Сережа что-то хотел сказать, но Настя продолжила: — Видишь, хотя зашили щеку, через пару месяцев и не видно будет, наверно, и еще эта штука на руке... Стесняется.

Он ответил что-то простое, почти прозрачное, типа **тогда хорошо** или **пусть выздоравливает**. Они были вместе уже полтора года, и по определению его недоговорок она могла составить подробный доклад, подобно отчетам, что писала по итогам диагностики умственно отсталых детей.

— Да всё нормально, чего ты, — отвечал он и полоскал взгляд где-то в снежных ноябрьских лужах.

— Ну я же вижу, — и Настя, подавшись вперед, давила сапогами эти пюреобразные серые комки, где, по ее расчетам, болтался взгляд Сережи.

— Слушай, вот об этом я хотел сказать, — выдохнул, когда не спеша отошли от школы. — Ты же знаешь, что тебе необязательно здесь работать?

Она не поняла, о чем об этом, почему необязательно, точнее, конечно, всё поняла, но переспросила. А он ответил, что уже сейчас они живут как семья (обеспечивал их он, а ее зарплата была скорее бонусом, который в основном уходил на пару походов в месяц на вещевой

рынок, от которого не получалось отучиться, хоть Настя и била себя по рукам, до здоровенных синяков), а она может и уволиться вовсе, ну вот хотя бы после свадьбы, если хочет еще немного поработать.

Зачем увольняться? Настя любила свою работу.

— Ты, конечно, молодец, помогаешь детям. Но здесь же... здесь же какой-то полный мрак, послушай, одни эти... эти родители-алкаши и нарики, какое-то социальное дно, и здание чуть ли не под снос!

— Ну ты же понимаешь, я **занимаюсь** этими детьми и не хочу это оставлять, — она перешла на полусшепот, хотя вокруг не было никого, и к зиме, это всем известно, мир становится громче, и никто лишний ничего не расслышит. Они подошли к дороге, на другой стороне которой стояла их машина. Настя посмотрела по сторонам, прежде чем переступить бордюр, но больше формально, в глухонемом переулке на окраине города и так никто не ездил. — Я и раньше говорила, что не хочу уходить.

— Ну, ты это так говорила, просто. Мы не обсуждали, — Сережа сел на водительское и дождался Настю.

Она села и вздрогнула, холод остывшего кресла пробрался сквозь джинсы.

— Я в общем-то не сильно понимаю, почему **мы** должны это **обсуждать**.

— Слушай, да чего ты заводишься...

— Да я не заводжусь. Нет, честно.

— Серьезно, тебе же не двадцать лет, чтобы про спасение мира или помощь несчастным.

— А я и не про это. Я вообще не про это.

— А про что?

— Вообще ни про что. Я просто не понимаю, почему мы вообще обсуждаем мою работу, это, в конце концов... — Настя дергала заевший ремень: — ...**моя** работа.

— Насть, я не говорю тебе, как надо. Я...

— Мы же не обсуждаем **твою** работу. — Она видела, чувствовала, что он без злости, от него и в принципе злости было не добиться; но завелась.

— **Моя** хоть нас кормит. И этот твой мальчик, как его...

— Не мальчик. В смысле, да что опять мальчик, при чем тут. Время от времени Настя напоминала себе, что у профессионала, у такого дефектолога, как она, любимчиков быть не должно и не может, а попутно напоминала об этом и всем вокруг. — Я просто им занимаюсь, меня Золотухин назначил.

— А кажется, что **не просто**. Кристина практически, можно сказать, ревнует.

Настя поморщилась — вспомнила обиды ее десятилетней дочери от первого не-брака на то, что мама допоздна задерживается на работе. Возвращается домой не к шести, а дай бог чтоб к восьми, а когда приходит, рассказывает о каком-то **чрезвычайно милом и добром** мальчике.

У Кристины больше никого не было. Отца давно не видели, и уже давно знакомее его лица стал памятник Петру I на купюрах алиментов, выползающих из банкомата, хотя и Петр в последнее время запропастился. В школе у нее тоже не особо ладилось, насколько знала Настя, но у кого в этом возрасте что-то ладится в школе, правда ведь? Поссорятся из-за мальчика, и то больше навдумывают. Да и всё у дочки было: мать, нормальные вещи. Не то что в Настинном детстве. А у **них** не было ничего, как Настя могла их оставить? Тем более это ее работа, она училась, штудировала потрепанные библиотечные книжки, столько придумывала для занятий. Тем более оставить Диму, когда они с ним вот только-только — как?..

— Еще немного, и я сам начну ревновать. — Сережа улыбнулся и наклонился, чтобы ее поцеловать, одновременно заводя двигатель. — Не обязательно прямо сейчас уходить, ты просто подумай, ладно?

— Ладно, — ответила Настя, вообще-то думать об этом не собираясь. — Поехали? Надо успеть еще на примерку. Надеюсь, привезли то, с открытыми плечами.

* * *

За ней тяжело скрипнула дверь, и Настя оказалась в холле — именно оказалась, как наутро неожиданно оказываешься в мокрой от кошмаров постели. Ста-

раясь ни на что не смотреть, чтобы ни о чем не думать, она сразу пошла к лестнице. Рядом — открытая дверь. Оттуда гремела посудой и дышала затхлым паром и вроде бы каким-то супом столовая. Детям — трехразовое бесплатно (в школе до семнадцати ноль-ноль), работникам — за свой счет. Настя помнила. Не рестораны, по которым ее (в основном до свадьбы, много лет назад) водил Сережа, конечно, но всё равно было вкусно. Ну, как — ну, нормально.

Женщина в сером фартуке, поддерживающем ее большой живот, нависла над столом, бодро собирала посуду. Настя ее узнала, но не вспомнила имени.

Поднялась на второй этаж. Нужно было в кабинет Наташи и Оли — в ее бывший кабинет. Идти было боязно: столько лет прошло. И если бы не вчерашний звонок, может быть, так и не вернулась бы сюда, не смогла бы.

Знакомый, когда-то родной коридор, шагов тридцать от лестницы до кабинета. Полуголые стены с длинными хвостами трещин и голыми пятнами от осыпавшейся краски, на них — рисунки учеников в выцветших деревянных рамах. Они смотрели кривыми линиями мелков и карандашей, висели на разных уровнях, ими закрывали самые большие проплешины.

Дверь была приоткрыта, Настя постучала. Из глубины кабинета на нее посмотрели бывшие коллеги и слегка улыбнулись: Наташа — легкой четвертьюлыбкой на вытянутом, уже тронутым (откровенно полапанном) возрастом лице, Оля — чуть сильнее, насколько позволяла стянутая шрамами щека, и обе — смущенно, будто за что-то прощая. А за что ее было прощать-то, господи? Впрочем, может, и было за что.

* * *

Настя спасала подгорающее мясо, когда заиграл телефон. Чертыхаясь и разбрызгивая с лопатки соус, она взяла трубку. Неожиданный звонок. С Наташей, коллегой-дефектологом за соседним столом в кабинете коррекции

онной школы лет уж, вспомнить бы, шесть или семь назад, а сейчас висящей на том конце провода, они не общались давно, а не виделись еще дольше. Кажется, с момента Настиного увольнения и не встречались. А нет, Настя потом один раз приезжала. А потом — всё. Ну, иногда списывались.

— Слушай, подруга. — Наташа была простой и конкретной. — Приезжай завтра?

— Ой, завтра? — думала недолго. — Знаешь, завтра я не могу. У меня, кажется, дела.

Это было не первое приглашение. Наташа уже звала несколько раз, даже Оля — робкая Оля — писала дважды или трижды.

После увольнения Настиных сил хватило на один визит. Потом всё обещала, но не доезжала. Сережа и слышать не хотел о школе для дураков, заводился каждый раз, когда о ней заходила речь. А Кристину только пару лет как одноклассники перестали дразнить дочкой училки-дебилки.

Настя хотела как-нибудь тайком, вот просто хотя бы забежать, обняться и выбежать, но не складывалось. Заиграла совсем другая жизнь, в будни ворвались родительские собрания, встречи школьных мамаш-активисток, организации школьных праздников, тренировки в фитнес-клубах и походы на выставки с лучшей подругой, ланчи с приятельницами, а по выходным — семейные поездки к Сережиным коллегам.

После минутных уговоров Наташа выстрелила: **А Диму Спиридонова помнишь?** Где-то к этой фразе кухня заполнилась дымкой и запахом мяса такой убойной прожарки, что лучше уже не подавать на стол.

Настя отяжелела и застыла. Заедающими пальцами пыталась убрать посуду, но руки принадлежали не ей, а кому-то другому: Диму Спиридонова она, конечно, помнила.

— Так вот, у него завтра день рожденья. И я тебе напомню, дорогая моя, сейчас его последний год. А знаешь, что потом?

— Не знаю. — Настя села. Неужели прошло столько времени, он в выпускном классе? Следя за учебной дочери в обычной общеобразовательной, Настя и забыла, что в коррекционке учатся девять лет, а не одиннадцать. — Не знаю. Ну, что будет, что там знать-то? Родители на работу его устроят?

— Выкуси! Они, в смысле вся семья, летом переезжают. В Америку, по-моему. Или Австралию. Навсегда. Вообще.

Настя помолчала. С одной стороны, ну уезжают и уезжают, а с другой:

— Я тебя поняла. Я... я приеду, да.

Наташа молчала, и Настя добавила:

— Слушай, а нормально вообще будет, если я вот так? Спустя столько времени? Это же я так давно не...

— Нормально. Приезжай.

Настя начала думать, как, с чем, не просто же вот так здрасте, улыбнулась:

— А что, чай там у вас в кабинете еще наливают?

Наташа засмеялась, закашлялась и повторила:

— Приезжай, — и отключилась.

У Сережи на завтра были какие-то планы, он просил Настю с ним съездить, а потом вроде надо было встретиться с классным руководителем Кристины. И все они, когда злились, были немного волки, но не настолько, чтобы убежать в лес, — подождут. Подождут.

* * *

— Ты со мной обещала сегодня съездить. — Его желваки выпирали и переваливались, но выглядело скорее смешно, будто под кожей бегали жуки. И Настя усмехнулась.

А Настя отмахивалась. Не могу я, просто не-мо-гу. И, снимая серьги, повисшие не к месту, думала, как у них всё могло настолько измениться за шесть лет. А ведь — полтора года ухаживаний, субботних прогулок, поездки, платье без плеч, свадьба в центровом ресторане (и даже подслеповатое ощущение, что большая часть гостей за них рады) и планы на семейное счастье, бесконечные,

как море в иллюминаторе во время полета на медовый месяц.

— Сколько раз я была на твоих ланчах, ужинах твоих с партнерами? Твоими э-э... Будто без меня нельзя было обойтись. Вот, уже и сосчитать не можешь. Да и я уже. А сколько раз я была на бывшей работе? А? — спросила у Сережи, прислонившегося к стене прихожей. Она тоже была зла. А хули. — А? — повернулась к Кристине, стоявшей рядом. Те скрещивали пижамные руки на груди, молчали. — Вот-вот именно.

— Что сказать Кларе Леонидовне? — Кристина, вздернутые брови. — Она же мне все мозги вынесет. Ей Двадцать третье организовать надо.

Они стояли втроем в прихожей, сейчас казавшейся Насте каморкой. Дизайнерский минимализм одиночных ламп и светлых безузорчатых обоев свешивался, нависал над Настей вместе с недовольными лицами мужа и дочери.

— Ну что-что сказать, — собирала сумку. Она ходила в полутрансе, со вчерашнего вечера существовала на своей частоте. Сама удивлялась, с какой тщательностью подбирает костюм и прочее для визита. Ей должно было быть блеклой, обычной, не ярче стены, не плотнее воздуха. Как тогда — когда он ее подобрал, вытянул. Настя посмотрела в зеркало — решила, что с задачей блеклости¹ справилась. На секунду вынырнула: — Скажи, чтоб, бляха, катилась уже куда-нибудь со своими праздниками.

— Ну На-а-астя! — пробасил Сережа, который даже больше нее пекся о нравственном воспитании Кристины, которая не дай боже услышит плохое, нет-нет, сама, конечно, не матерится, не пьет, не курит и вообще — святая.

— Ну ладно. Ла-адно. — Настя по очереди посмотрела на него и на нее. — Скажи, что завтра заеду. Ее Двадцать третье февраля никуда не убежит.

— А в пристанище дебилов что-то убежит, если не поехать? — Дочь стояла вся в смешной подростковой защите: скрещенные руки, губы залежалой тряпочкой, глаза при-

¹ общности, малой яркости, несостоятельной плотности.